

Автопортрет. 1905.

ПРИЧИННЫЕ связи в жизни и творчестве великих людей иногда встают перед нами в каких-то поражающих и не до конца ясных очевидностях. В конце марта 1856 года в семье военного юриста Александра Михайловича Врубеля родился мальчик, по традиции получивший имя деда — Михаил. Было это в Омске, немалом уже и тогда сибирском городе, стоящем на границе степей и тайги, при впадении в сумрачный ленивый Иртыш быстрой Омки. Было это в Омске, там же, где только что отбыл каторжный срок в Мертвом доме Федор Достоевский, ему предстоит

Там часочек погощу я,
кончив лет,

А у печки-то
нитко нас не видал...
Только те мои,
кто волен да удал.

Вы можете заспорить со мною: поэт вспоминает снега, покрывшие деревянные дома в сибирском городе, этакая глухомань... При чем тут космос, когда еще

Павел Петрович, учивший рисунку передвижников (в частности, Васнецова и Репина), ценит Врубеля более всех других. Только постоянно помня о том, каким виртуозным рисовальщиком был живописец Врубель, какой алгеброй поверял он свои великие гармонии, можно вникнуть в это уникальное искусство и понять его результаты.

Когда смотришь на не закон-

«Имеешь, Нюта, полное право сердиться. Но я до того был занят работой, что чуть не вошел в Академию в пословицу. Если не работал, то думал о работе... Нынешний год, могу похвастаться, был для меня особенно плодотворен: интерес и умение в непрерывности работы настолько выросли, что заставили меня окончательно забыть все постороннее... Не смущало меня являться в общество в засаленном пиджачке, не огорчала по целым месяцам тянувшаяся сухотка нармана... Мне теперь до

Александра ПИСТУНОВА

«Царевна-Лебедь». Фрагмент. 1900.

стать одним из любимейших авторов Врубеля. В Омске, где за полгода до нашего младенца появился на свет другой и тоже замечательный — будущий поэт Иннокентий Анненский. В жизни эти люди никогда, кажется, не встретятся, но для нашей поэзии двадцатого века поиск Анненского будет значить почти столь же много, как для живописи — поиск Врубеля. И обоих минует подлинное признание, большая прижизненная слава. Иннокентий Федорович проживет розно столько же, сколько и Михаил Александрович, — родившись за полгода, и уйдет за полгода до Врубеля — и точно так же сразу после смерти будет назван и признан классиком. Вдруг обнаружится широкое родство обоих в следующем поколении поэтов и художников. А их сродственная связь, близость в культуре России Анненского с Врубелем, становится понятной только в наши дни, когда появляются сборники поэта и исследования о нем, когда вышла в свет книга о Врубеле Николая Тарабукина.

Словно начиная бег волшебных своих строк с омской зимы, Анненский пишет о себе и о Врубеле — да, и о Врубеле, об их общем стремлении в удивительное, цветное пространство. Мы называем его ныне «открытый космос», научно, по-деловому. Но Анненский именуется это пространство «сиреневой мглой», наделяет ее отгадой, и мы вспоминаем, что видели этот мир в холстах Врубеля, летали там вместе с его Демоном.

Наша улица снегами залегла,
По снегам бежит сиреневая мгла.

Мимоходом только глянула в окно,
И я поняла, что люблю ее давно.

Я молил ее, сиреневую мглу:
«Погости-побудь со мной в моем углу».

На мою тоску ты давнюю развей,
Поделись со мной, желанная, своей!»

Но лишь издали услышал я ответ:
«Если любишь, так и сам отыщешь след».

Где над омутом синее тонкий лед,

СТРАНА ВРУБЕЛЯ

«Тамара и Демон». Иллюстрация к поэме М. Ю. Лермонтова «Демон». 1890—1891.

аэропланы не летают? Но мысль ученого и чувство художника возникают много раньше осуществлений техники. Вспомните любимые цвета врубелевской палитры: синий, лиловый, сине-розовый, сиреневый, бархатисто-черный. Ни у кого из предшественников и современников Врубеля мы такого не встретим. Его глаз словно бы «вскрывает» бескрайность и мрак запредельного планетарного мира...

Но пока возвратимся к печке, возле которой видят немислимые дали те, кто волен да удал. Только три года, первое счастливое время жизни. Врубель будет согрет не одной лишь печкой, но и рукою матери, происходящей из старого рода Басаргиных. Перед самым рождением ее сына закончились и острая жизнь в Омске Достоевского, и двадцатилетняя каторга Николая Басаргина, оставившего будущему свои потрясающие «Записки декабриста». Как видим, воля и удалство были в генах омского мальчика: делом его по отцу — Михаилом Врубелем-первым — был наказной атаман Астраханского казачьего войска.

...Сохранилась фотография более чем вековой давности — ученики профессора Академии художеств Павла Петровича Чистякова: Валентина Серова, Владимир Держвин и Михаил Врубель. Врубель много выше Серова, светлые кудри расчесаны на прямой ряд, белейшая рубаха под длиннополым сюртуком, а брюки обтрепаны, башмаки разношены. Суровым было второе студенчество Врубеля у строгого, строявшего рисовальщика Чистякова.

ценные мастером работы — скажем, на знаменитых «Пирующих римлянах», где цвет создал объем и вес лишь некоторых фигур, а главная часть композиции осталась в едва проступающей контуре, — то кажется, что это современные реставраторы «раскрывают» фрагменты какой-то древней фрески, что пройдет время и они могучим усилием «раскроют» ее до конца. На самом деле иначе. Житель одновременно всех эпох, перелетавший на каких-то своих коврах-самолетах из античности в сиреневую мглу космоса, от лермонтовского Демона к пушкинскому Пророку, от Гёте к Брюсову, от орнаментики Владимирского собора в Киеве к узорам на теннисовских балалайках (они поразили на русских кустарных выставках Париж начала XX века), Михаил Врубель видел перед собою особую страну. Страна эта соединяла воспоминания и мечты, времена и языки — миф о христианском милосердии и могучий народный эпос о богатырях, отдаленных испанцев, итальянцев, немцев, французских современников Врубеля русскими людьми. Глагол в последней фразе придется поправить: не соединяла, но умножала. Страна эта была бескрайней, грандиозной, как тот открытый небу сибирский простор, по которому медленно текут студеные реки, — ведь любой человек, тем более наделенный великим даром, вырастает из родимой почвы.

О жарком усердии молодого художника мы можем судить, читая сегодня одно из писем сестре Анне, сохранившееся во врубелевском архиве:

отвращения противны неисполненные планы».

Цитируя это замечательное письмо — один из множества открывающих суть Врубеля документов в его эпистолярном наследии, — я стремилась показать картину дел, размышлений, чувств, целей того юного человека, которого так скоро Павел Чистяков рекомендует знаменитому Адриану Прахову, организующему реставрацию Кирилловской церкви XII века и украшение Владимирского собора в Киеве.

Знарок античности, Византии и древней Руси, Адриан Викторович Прахов был своего рода «практиком» среди русских историков-энциклопедистов, определивших и связи развития России с миром, и самостоятельные пути в нашем историческом движении. Вслед за Федором Ивановичем Буславевым Прахов изучал отечественное искусство и его каноны, точно заметив, что русская фантазия внесла живые наблюдения в принесенные Византией формы. Задумав реставрацию стеновых росписей и алтаря Кирилловского храма, Прахов искал особенного художника: он обязан был явиться и архаистом, и новатором, мастером ренессансных возможностей и носителем русской фантазии, способным мыслить и умеющим делать. Такого человека обнаружил Прахов во Врубеле.

Михаил Александрович исполнил — почти наново! — многие стеновые росписи в Кирилловском храме и создал доски для его алтаря. Современники узна-

вали в алтарной богородице супругу Прахова — в эту яркую талантливую женщину влюбился Врубель в Киеве. А советский исследователь мастера Николай Тарабукин нашел в облике кирилловской богородицы не только Прахову, но и будущего Демона. Николай Михайлович оставил нам философское определение бесконечно варьирующихся в творчестве Врубеля черт: эти варианты он назвал «антиномиями», единством противоположностей. Вспомните широко раскрытые, магнетизирующие вас очи дивной мадонны Кирилловского алтаря. Это изображение, кстати, чем-то сходное с «Сикстинской мадонной» Рафаэля, бесцельно воспроизводилось и ныне воспроизводится повсюду в мире...

Если рядом с той женщиной память ваша поставит перед глазами «Демона» и чудесную «Музу», «Девочку на фоне персидского ковра» и «Гадалку», «Портрет сына» и «Богатыря Микулу Селяниновича», то в каждом из столь различных персонажей Михаила Врубеля вы почувствуете одну и ту же серьезность, один и тот же благородный строй и царственный лад, какое-то холодное и глубокое дыхание, которым чаще обладают музыка и наука, реже — живопись и литература. Все эти врубелевские лица словно бы всматриваются в безмерные глубины пространства, похожего на пустыню, где плывут туманы и облака, напоминающие горы и морские равнины.

Как у многих из вас, у меня есть стародавняя привычка ходить по адресам замечательных людей. Для чего? А для того, чтоб почувствовать на щеке ветерок от словно бы пробежавшей мимо тебя фигуры, вот она впереди, вот свернула за угол, во дворы, вот хлопнула тяжелая дверь старинного подъезда. Войдешь туда, кажется, слышишь чей-то легкий шаг вверх по крутым ступеням. Подмигнешь к чердаку, прилипнешь к пыльному окошку, и верно: что-то сверкающее несет в ясной городской дали. Я говорю сейчас о Киеве, воображая, как иду за тенью белокурого юноши, тайно любящего женщину, которую художник Мурашко неуважительно назвал «крикухой», а этот